

Г. Федосеев
Пашка
из Медвежьего лога
Таёжные встречи
Повесть
и рассказы

Люди дела

Григорий Федосеев

**Пашка из медвежьего
лога. Тажные встречи**

Издательство "Руда"

1964, 1950

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Федосеев Г. А.

Пашка из медвежьего лога. Таежные встречи / Г. А. Федосеев —
Издательство "Руда", 1964, 1950 — (Люди дела)

ISBN 978-5-6043363-4-2

Тайга! Великие, бескрайние леса, кочковатые мари, бурные реки, тихие лесные озёра. Полная опасностей, тайн и очарования царственная природа. Сколько прелести для опытного охотника, выслеживающего дикую козу, марала, глухаря и другую лесную дичь! Сколько опасности для неподготовленных или попавших в неё путешественников. Уважая её мощь и зная её секреты, ни охотник, ни исследователь не уйдут без желаемой добычи. Этим опытом делится с внуком, а заодно и с участниками геодезической экспедиции опытный охотник Гурьяныч в повести «Пашка из Медвежьего лога». Рассказы из сборника «Таёжные встречи», впервые опубликованного в 1950 году, появились из дневниковых записей. Они правдивы и насыщены событиями, которые автору приходилось наблюдать в обстановке походной жизни по малоисследованным местам. Язык их прост и понятен. Автор любит тайгу, умеет не только наблюдать, но и передавать свои впечатления, показывать своеобразную суровую красоту сибирской природы. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6043363-4-2

© Федосеев Г. А., 1964, 1950

© Издательство "Руда", 1964, 1950

Содержание

Пашка из Медвежьего лога	8
Конопатый паренёк	9
Голубая тряпочка	13
Ночные костры на лыжне	20
Непокорённый	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Григорий Анисимович Федосеев

Пашка из Медвежьего лога. Таёжные встречи

© Издательство «Руда», 2020

© Г. А. Федосеев, наследники, 2020

© Л. Д. Магонова, иллюстрации, 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2020

Пашка из Медвежьего лога

Повесть

Конопатый паренёк

Ещё зима...

Тусклые рассветы. Мутное небо. Редко проглянет холодный луч солнца. Под зимним плотным снегом спят корни растений, насекомые, ручейки, реки, цари-медведи. Спят белоствольные берёзы, угрюмые сосны, ели – вся тайга. Лишь изредка в ней кто-то, точно пробудившись от долгого сна, пробормочет невнятно и смолкнет, уйдя в тишину.

В штабе экспедиции затишье. Полевые подразделения геодезистов уже разводят костры в далекой тайге, ждут не дождутся весны, чтобы начать работу. И только мы с Василием Николаевичем Мищенко, как отставшие в перелёте птицы, живём лишь надеждой, что скоро соединимся к товарищам.

А тайга зовёт. Мысли давно там, далеко в горах, у бурных потоков, у птичьих озёр. То почудится, что ты у ночного костра, и тело пленит привычная усталость от дневного перехода, то вдруг плеснёт в лицо смолистым запахом хвойных лесов, отогретых полян, свежестью первой зелени. И, пробудившись, ты с болью поймёшь, что это всего лишь обманчивое забытие.

День солнечный, тёплый. Иду к себе обедать. Из школы высыпали ребята и быстро растеклись по переулкам. Вижу: у широкой витрины магазина сельпо стоят двое парнишек. Тот, который поменьше ростом – ко мне вполоборота. Лица не видно, только острый кончик носа торчит из-за веснушчатой щеки. Зажав между ног сумку с книжками и перевалившись через перила, парнишка что-то рассматривает за стеклом.

Я делаю ещё шаг и останавливаюсь. Теперь мне виден чуточку вздёрнутый нос, тоже запорошенный веснушками. В стиснутых пальцах правой руки парнишка держит ломоть чёрного хлеба, отхватывает большие, во весь рот, куски и жуёт, причмокивая губами. Можно подумать, что он, по крайней мере, ест какой-то необыкновенно вкусный торт. Второй мальчуган – и старше, и повыше ростом – стоит рядом, бочком прижавшись к перилам, и с откровенной завистью следит, как приятель уминает хлеб, а сам нет-нет да и пожует пустым ртом. Лицо у него строгое, даже злое.

Там, за стеклом, куда так пристально они смотрят, горка жареных гусей. Ближний рассечён вдоль, лежит, вывернутый жирным мясом наружу, сочный, обтянутый подрумяненной коркой.

«Вот он, соблазн!» – подумал я. И мне вдруг тоже захотелось чего-нибудь пожевать. Вижу, конопатый мальчишка достаёт из кармана чесночину, натирает ею шероховатую горбушку, откусывает, а сам глаз не отрывает от витрины. До чего же вкусным кажется ему чёрный хлеб с гусятиной, что лежит за стеклом!

– Хватит тебе, пошли! – досадливо бросает старший, глотая слюну.

Конопатый, не поворачиваясь к товарищу, отламывает ему половину горбушки, суёт в руку, и они оба, не отрываясь от витрины, жуют.

Меньший говорит с сожалением:

– Вчера, Костя, тут и колбаса лежала... Веришь – жирная, вот такая толстушая!.. – и он, растопылив пальцы левой руки, хочет показать ему толщину колбасы, но вдруг оба разом замечают меня, срываются с места. Размахивая сумками, они несутся по улице и исчезают где-то в переулке.

Я снимал комнату в доме на одной из самых тихих улиц посёлка. Ходил к себе по глухим переулкам. Только подошёл к дому, как на улице послышался отчаянный лай – видно, кто-то ударил собачонку. Затем донёсся свист. Он повторился трижды и смолк, оставив в уличной тишине какую-то непонятную тревогу.

Через соседний двор промчались три паренька – явно на свист. У них, кажется, не было времени открыть калитку, и они все с легкостью борзых перемахнули через забор.

Свист повторился, но более резко, как сигнал бедствия. По дворам залаяли собаки.

Вижу – старик-собачник поймал сачком Жулика – соседскую собачонку и, перекинув через плечо живой груз, направился к телеге с ящиком. Сбежавшаяся ребятня стеной перегородивает ему путь, орёт, машет руками, пытается отнять Жулика.

– Кыш, пузатая пескарня! – кричит собачник, прокладывая себе дорогу.

Ребята отскакивают и в нерешительности замирают. На секунду напряжённая тишина нависает над улицей. От толпы отделился парнишка в красном шерстяном шарфе – видимо, самый резвый – и стремглав бросился вниз по улице – явно с каким-то поручением.

А старик торопливыми шагами подошёл к телеге, и через минуту Жулик уже сидел в ящике с двумя грустными псами. Собачник не спеша, по-хозяйски, замкнул дверцу ящика. И тогда Жулик вскочил, бросился к решётке, завыл на высокой, жалобной ноте. Ему ответили таким же воем собаки из ближайших дворов.

Я решил не вмешиваться до последнего момента: хотелось посмотреть, что за ребята на нашей улице, и способны ли они освободить своего четвероногого друга.

А собачник, довольный удачей, достал из кармана кисет и стал закручивать «козью ножку».

В это время из дальнего переулочка выскочил шустрый паренёк в сопровождении мальчишки в красном шарфе.

– Копейкин!.. Копейкин!.. – толпа мальчишек оживлённо загудела.

Дед насторожился, не понимая, с чего бы у хлопцев появилась такая радость.

Что-то знакомое показалось мне в этом паренёке. Да ведь это тот самый конопатый мальчишка, которого я только что видел у витрины сельпо! Мне запомнились широкая, с чужого плеча, телогрейка защитного цвета и большая лисья шапка.

Толпа ликовала. Конопатый паренёк каким-то еле уловимым жестом заставил ребят стихнуть. Он деловито обошёл телегу с дремавшим под дугою меринком, подозвал к себе рыжего мальчишку и что-то сказал ему на ухо. Тот мгновенно исчез за калиткой ближнего двора. Ребята, смолкнув, ждали. Видно, вся надежда была на конопатого.

– Здорово, дедушка, – любезно, почти басом, приветствовал собачника Копейкин.

– Здорово, внучек, – в тон ему ответил старик.

– Неладно вышло, дедушка, – пожаловался Копейкин, – вы нашего Жулика поймали.

– На то они и жулики, чтобы их ловить. – довольный своей остротой, старик засмеялся.

– Я б вам за него двух вот каких кобелей дал. – Копейкин отмерил рукой целый метр от земли.

– Зачем мне двух! Мне и одного хватит, ежели без обмана.

Копейкин принял эти слова за согласие. Он отошёл в толпу ребят и, хитро подмигнув, стал о чём-то просить двух паренёков. Те одобрительно закивали и, сорвавшись с места, помчались выполнять приказание.

– Да поживее возвращайтесь! – крикнул им вслед кто-то из ребят.

Толпа ожила, подступила к старику. Я не мог догадаться, что затеял конопатый паренёк, но судя по поведению ребят, он их чем-то обнадежил. В это время вернулся рыжий. Он держал руки за спиной – видимо, что-то пряча. Копейкин подмигнул ему, и они оба исчезли за телегой.

Собачник докурил «козью ножку» и вдруг спохватился:

– Ну и брехуны же вы, хлопцы! – сказал он и начал взбираться на телегу.

– Дедушка, дедушка, ведут, ей-богу – ведут! – пропищал в толпе тоненький голосок, и кто-то захлопал в ладоши. Все повернулись в ту сторону. Двое ребят волокли на толстом обрывке конопляной верёвки молодого кобеля. Он отчаянно сопротивлялся, упирался всеми четырьмя лапами, в глазах замер смертельный страх, точно он вдруг узнал собачника.

– Буска... Буска... – прошел по толпе шёпот.

Это была великолепная зверовая лайка. Никакого сравнения с Жуликом. Старик обрадовался и сразу схватил сачок.

– Сперва Жулика выпускай! – протестующе заорали мальчишки.

Но собачник заторопился, накинул на Буску сачок и, не обращая внимания на его яростное сопротивление, впихнул в ящик и захлопнул дверку.

– Жулика!.. Жулика!.. – загудели ребята и стали подступать к телеге.

– Цыц!.. Не подходи!.. – старик угрожающе поднял кнут, заслонив собой ящик.

Но тут показался Копейкин, он что-то крикнул, и, словно по мановению волшебной палочки, всё стихло. Мальчишки даже подались назад от телеги и, повернувшись к конопатому пареньку, недоуменно ждали, не веря, что он отдал Буску.

Я сошел с крыльца.

– Трогай, дедушка, трогай! – слышался спокойный голос Копейкина.

Собачник не торопясь уселся на телегу, всё время подозрительно поглядывая в сторону, где стоял конопатый паренёк. В последний раз оглянулся на присмиривших, сбитых с толку ребят, дернул вожжи и ременным кнутом стегнул по ребрам мерина. Телега загрохотала по мёрзлой дороге. Собаки в ящике все разом завывали, Толпа стояла, всё ещё не веря случившемуся.

И вдруг дружный хохот, точно взрыв, потряс всю улицу: у телеги сошли с осей оба левых колеса. Она сильно наклонилась, и старик, свалившись в снег, замотал в воздухе длинными ногами.

Мальчишки торжествовали.

Едва отряхнувшись от снега, разъяренный собачник кинулся на толпу с кнутом. Ребят как не бывало – кто куда! Только Копейкин стоял на месте, будто примёрзший к дороге, в расстегнутой телогрейке, в сдвинутой на затылок шапке, чуть побледневший и решительный. Старик всем своим гневом обрушился на него, размахнулся, чтобы ударить, да так и замер с высоко поднятым кнутовищем.

– Не надо, дедушка, драться, – сказал спокойно, не без лукавства подросток.

– Я тебе покажу, пескарь, как гайки отвинчивать! Думаешь, не вижу, что ты тут за атамана?!

– Ну, пускай я, – с достоинством ответил Копейкин. – Могу пойти на переговоры.

– Гайки давай, а не переговоры, разбойник!

– Выпускайте всех собак, тогда и гайки получите, а то куда не уедете.

Старик перевёл сузившиеся от гнева глаза на осмелевших мальчишек, на свою скособо-ченную телегу и, трезво оценив обстановку, прошипел:

– У-у-у, змеёныш!..

Он долго возился над люком ящика. Наконец, дверка распахнулась, и собаки, чуть не передавив друг друга, вырвались на свободу.

Ребята неистовствовали, кричали, прыгали, свистели. Они помогли старику надеть колеса, усадили его в телегу. С каким-то удивительным безразличием к ударам кнута мерин засеменил по дороге. Свернув в переулок, старик оглянулся и угрожающе потряс в воздухе кнутовищем.

...Моя квартирная хозяйка Акимовна – добрейший человек. Она всю жизнь работала на приисках, прожила тяжелую жизнь и до старости сохранила большое трудолюбие. Я не помню её праздною. Всегда занятая какими-то хлопотами, вечно беспокойная, она находила время заботиться обо мне, и это всегда трогало меня.

– Что же вы так долго не приходили обедать? Щи перепрели, – упрекнула она.

– Виноват, Акимовна! На улице задержался. Собачник поймал соседского Жулика, а ребята не захотели отдать.

– Жулика! – всплеснула руками старушка. – А что же вы смотрели? Табаку бы ему в нос, живодёру! Сроду в посёлке собак не ловили, а нынче, вишь, «Заготпушнина» учредила собачника – житья не стало собакам. Ну и что же?

– Смотрел я на ребят, знакомился. Копейкин у них за главного. Чей он сын, не знаете?

– Копейкин?.. Отродясь фамилии такой не слыхивала. Видать, не здешний. Звать-то его как?

– Не знаю, шустрый такой паренёк.

– Они, милый, на шкodu все шустрые. Чего учудить – занимать не пойдут, – ответила Акимовна не без гордости. – Наша улица издавна в славе ребятами и без Копейкина. Выдумают же такую фамилию! Обличия какого из себя?

– Конопатый мальчишка.

– Конопатый?.. Ума не приложу, чей он. Конопатых у нас на улице нет, – твердо заявила старушка.

Голубая тряпочка

Уже всё было готово к нашему отлёту: упаковано снаряжение, продукты, инструменты, личные вещи, но ледяной аэродром на реке, где нас с Василием Николаевичем должны были посадить, затопила наледь, и теперь там невозможно было посадить самолёт. Обещали подыскать другую площадку – а это не так просто – и я с ужасом думаю: как бы нам надолго не задержаться в посёлке.

Давно меня гнетёт тоска по тайге. Она приходит сразу, как только появляются первые признаки весны. Они во всём: и в мягком хрусте снега под ногами, и в сдержанном молчании птиц, и в синеве неба, и даже в шуме леса. Как-то вдруг – без ветра – заволнуется он, зашумит и замрёт, точно обескураженный чем-то. Вот тогда-то и становится невоготу беспечная жизнь в четырёхстенной избе. Хочется встретиться с бурей, со зверем, с вёрстами – с бесконечными вёрстами непознанного пути. Потянет к вольным, близким сердцу просторам с хвойным воздухом, с лопнувшими почками берёз, с птичьим криком и затяжными весенними закатами.

Сегодня резко похолодало. На окнах мороз выгравировал замысловатые узоры. С неприветливого серого неба падают невесомые пушинки снега. Они копятя на остывшей земле, сглаживая шероховатую поверхность белизною. Опять зима.

Так нередко бывает после тёплых, по-настоящему весенних дней: ударит неожиданно трескучий мороз, завоет пурга – это зима, собрав остатки сил, напоминает о своем грозном могуществе. Не очень-то радует такая погода.

После обеда ко мне зашёл Василий Николаевич, мрачный, как грозовая туча. Ему-то, всю жизнь проведшему в тайге и привыкшему в это предвесеннее время уже находиться где-то далеко от поселений, особенно не по душе наша задержка. Мы долго молчим. Я бесцельно гляжу в окно. Василий Николаевич лениво набивает трубку табаком.

– Когда же полетим? – вырывается у него.

Я ничего нового сказать не могу и молчу.

– Собакам и то надоело ждать. Утром зашел проведать Бойку и Кучума, они не ласкаются, в глаза не смотрят, будто я виноват, – рассказывает он.

– Хватит, Василий, тут и без твоих разговоров тошно. Ещё немного потерпи, найдут новую площадку на реке, часа не задержимся – улетим.

В комнату вошла хозяйка с кипящим самоваром.

– К вам дедушка пришёл, войти стесняется, может, сами выйдете? – сказала она мне, заваривая чай.

– Кто он? – спросил я.

– Тутошный, дело у него к вам какое-то.

В сенях стоял дородный старик, приземистый, на вид лет шестидесяти. Одет он был по-зимнему. Дублёный полушубок, изрядно поношенный, но без единой латки, туго перевязан кумачовым кушаком. На ногах лосёвые унты, в двух местах аккуратно перехваченные ремешками. На голове старика глубоко сидела заснеженная самодельная барашковая ушанка. Она обрамляла сверху и с боков приветливое, коричневое от ветра лицо, опушённое снизу окладистой бородою. Он посмотрел на меня со странной детской растерянностью.

– У нас промежду промышленников слухок прошёл, будто вы охотой занимаетесь, – начал он крутым баском, переступая от неловкости с ноги на ногу. – Вот я и прибежал из зимовья, что в Медвежьем логу: может, поедете до меня – дюже коза пошла.

– Вы что ж, охотник? – спросил я, обрадовавшись столь приятному гостю.

– Балуюсь, – замялся он и откашлявшись, вдруг осмелел. – С детства маюсь этой забавой. Ещё махонький был – на выстрел бегал, как собачонка, так и затынуло. Должно – до смерти!

Секунд пять, не больше, ему хватило на то, чтобы осмотреть меня и Василия Николаевича, и с его лица исчезла растерянность. Затем, немного отогревшись, он уселся на краешек табуретки, сбросил на пол шапку-ушанку, меховые рукавицы и стал сдирать с бороды прилипшие сосульки. А сам нет-нет да и окинет пытливым взглядом комнату.

Громко хлопнула наружная ставня.

– Опять завьюжило, – сказал Василий Николаевич, искоса поглядывая на старика.

– По козам самый раз!

– Да вы раздевайтесь, – предложил я.

– Благодарю. Ежели уважите приехать, то я побегу. А коза, не сбрехать бы, вон как пошла – табунами, к хребту жмётся – должно, её со степи волки турнули.

Василий Николаевич так и засиял, так и заёрзал на стуле.

– Да раздевайтесь же, договориться надо, где это и куда ехать, – сказал он.

– Спасибо, а ехать недалеко, за реку. – И дед, осмелев, привычным движением рук сдернул кушак, сбросил на пол полушубок. – Я ведь колхозный смолокур, с детства в тайге пропадаю. Там, видно, и доживать буду. Так уж приезжайте, два-три ложка прогоним и с охотой будем.

Сухое, обожжённое ветром лицо старика перетягивалось вздувшимися прожилками. Руки тоже жилистые, тяжёлые. Умные добрые глаза под широкими бровями и улыбка, изнутри освещающая лицо. На всей его коренастой фигуре, на одежде лежал отпечаток лесного человека.

– Где же мы вас найдём? Тайга большая...

– Сам найдусь, не беспокойтесь. Пашка, внучек, вас тут дожждётся, пока вы соберётесь, и отсюда на Кудряшке к седловине привезёт.

– А Пашка-то где?

– На улице с санями ждёт. Не беспокойтесь, довезёт. Он, шельма, насчёт коз во как разбирается, моё почтенье! Весь в меня, негодник, будет. – И его толстые добродушные губы под усами растянулись в улыбке. – В зыбке ещё был, только на ноги становился, и что бы вы думали? Бывало ружжо в руки возьму, так он весь задрожит, ручонками вцепится в меня, хоть бери его с собой на охоту. А малость подрос – ружжо себе смастерил из трубки, порохом начинил его, камешков наложил, как вправдашное... Вот уж и грешно смеяться, да не утерпишь. Бабка бельё в это время во дворе стирала. Подобрался он к ней, подпалил порох да как чесанул её, бабку-то... Она, голубушка, и полетела в корыто, чуть не захлебнулась с перепугу... Так что не беспокойтесь, он насчёт охоты разбирается. Где силёнкой не дотянет – хитростью возьмёт, Говорю, не подведёт.

– Ну как, Василий, поедем? – спросил я.

– А как же иначе?!

– Тогда по случаю нашего знакомства, думаю, не откажетесь рюмочку пропустить. Пьёте? – спросил я старика.

Тот смешно прищёлкнул языком и, разглаживая влажную от мороза бороду, хитровато взглянул на меня.

– Случается грех... Не то чтобы часто, а приманивает.

Я налил ему полстакана спирта и хотел было развести водою, но он энергично запротестовал:

– Что вы, что вы, зачем добро переводить?.. Старик опрокинул стакан, громко крякнул, вытер губы, а бутерброд переломил пополам и сунул в рукавицу.

– Иди, Василий, собирайся побыстрей.

– Я не задержу.

Василий Николаевич вышел вместе со стариком.

– Пашка пусть зайдёт погреться! – крикнул я им вслед.

Вот, думаю, подвалила удача. К счастью, у меня есть разрешение на отстрел двух козлов. Достая ружьё, осматриваю, начинаю переодеваться. Хорошо поразмяться в тайге! Меня захватывает радость предстоящих охотничьих приключений. Чего только не услышишь, не увидишь в тайге за день! Я истосковался по лесу, по стуку дятла, даже по усталости. Воображение – не замедлило вылепить картину охоты, сбитого удачным выстрелом козла и костёр в лесу под кудрявыми соснами...

Слышу, приоткрылась дверь, и в комнату просунулся парнишка, закутанный с ног до головы в дорожную доху. Он сбросил её у порожка, повернулся, и я увидел конопатое лицо.

– Копейкин?! Так это ты и есть Пашка?

– Пашка я, из Медвежьего лога...

– Почти графский титул! Ну, садись! – пригласил я.

На нём были та же защитного цвета широченная телогрейка с чужого плеча и большие унты, вероятно, дедушкины обноски. Поверх этого странного костюма, напоминающего водолазный скафандр, торчала на тоненькой шее голова с беспорядочно взбитыми русыми волосами, с острым птичьим носом, обрызганным мелкими веснушками, и с ямочкой на округлом подбородке. Во всей его фигуре было что-то стремительное, как у стрижа в полёте. Серые ястребиные глаза мгновенно пробежали по всем закоулкам комнаты, по всем предметам, но не выдали любопытства, точно ничто их тут не удивило.

– У вас тепло, – сказал он, долго усаживаясь на стуле. – Вы не торопитесь: пока дедушка добежит до лога, мы лучше тут подождём, в тайге враз продует.

– Куда же он побежал? – удивился я.

– Мы-то поедem прямиком, до седловины, а он по Ясенскому логу пугнёт на нас коз.

– Пешком и побежал?

Пашка улыбнулся, набрав полную грудь воздуха.

– Дедушка у нас всё пешком, сроду такой. До Медвежьего лога, где наше зимовье, двенадцать километров, а за тридцать лет, что живёт дедушка там, он на лошади ни разу туда не ездил. Когда Кудряшка была молодой, следом за ней бегал. А теперь она задыхается в хомуте, спотыкаться стала. Так он пустит её по дороге, а сам вперёд рысцой до зимовья. Она не поспевает за ним.

– А как зовут твоего дедушку?

– Не могу выговорить правильно, сами спросите. Его все Гурьянычем по отцу величают. Сказывают, он будто был одиннадцатым сыном, родители все имена использовали, ему и досталось самое что ни на есть трудное. Ниподест, что ли!

– Анемподест?

– Да, да... Он у вас ничего не просил? – вдруг осведомился Пашка.

– Нет.

– А ведь ехал с намерением. Значит, помешкал... У нас на смолокурке все к краю подходит: зимовье на подпорках, бабушка старенькая, да и Кудряшка тоже. А Жучка совсем на исходе, даже не лает... Так мы с дедушкой хотели щенка раздобыть. Говорят, у вас собаки настоящей породы. – И паренёк испытующе посмотрел мне в глаза.

– Собаки-то есть, Пашка, но когда будут щенки, не знаю. Да и будут ли?

– Бу-у-дут, – убежденно ответил Пашка. – К примеру, наша Жучка каждый год выводит щенят, да кому они нужны! Хочется породистого. Мы уже и будку ему сделали и имя придумали: Смелый!.. Значит, ещё неизвестно?

– А зачем тебе собака?

– Как же в тайге без неё?

– Ты ходишь в тайгу?

– Каждую осень промышляем белку, когда и колонка добудем, ну и птицу боровую. А в прошлом году россомаха попалась, – последнее слово он произнёс не без гордости. – Уж намаялись с ней.

– А сколько тебе лет?

– Тринадцать. Я по тайге сызмальства хожу.

Пока он рассказывал о своей жизни, я переоделся.

– Чаю со мной выпьешь?

– С сахаром? – оживился он. – А что это у вас, дядя, за коробка нарядная?

– С монпансье.

– Знаю: кисленькие леденцы, – он громко прищёлкнул языком.

– Могу тебе подарить.

– С коробкой?

– Да.

– Что вы, ни-ни! – вдруг спохватился он. – Дедушка постоянно говорит, что я за конфетку и портки свои продам. Брать не велит. А чаю с монпансье выпью... Какие у вас маленькие чашки! – заключил он неожиданно.

Пил Пашка из блюда долго, вольготно, даже вспотел и всё время шмыгал носом. А беспокойные глаза продолжали шарить по комнате.

– У вас, видать, настоящая дробовка? Наверно, тыщу стоит? – И, покосившись на моё ружьё, затажно вздохнул. – А дедушка с пистонкой промышляет. Она ещё дедом его с турецкой войны привезена, кремнёвкой была, потом её на пистонку переделали. Старая она у нас, к тому же ещё и грозой её чесануло: ствол сбоку продырявило и ложу расщепило. И стреляет смешно: сначала пистон треснет, потом захарчит, тут уж держись покрепче и голову нужно отворачивать – может глаза огнём вышибить... Нашей пистонке трудно запалиться, а уж как стрельнет – любого зверя сразу сшибает.

– И ты с ней охотишься?

– Стреляю, но редко. Я только припасы таскаю, да если где зайца раненого догнать или утку из воды вытащить. Бывает, и белка зависнет на дереве. Дедушка говорит: «Вот уж как ты, Пашка, научишься во всех лесных делах разбираться, тогда пистонка будет твоя».

– Ну и как же?

– Стараюсь.

– Знаешь, Пашка, с таким ружьём недолго и беды нажить! Новое нужно купить.

– Край как нужно! – оживился парнишка. – Да что поделаешь с бабушкой: она не согласна насчёт покупки ружья, денег не даёт, а то бы мы с дедушкой давно купили. В магазин часто заходим, дедушка все ружья пересмотрит, выберет и скажет: «Ну хороша же, Пашка, дробовка!» С тем и уйдём.

– Почему бабушка против покупки?

– Говорит, что я тогда из тайги вылезать не буду, школу брошу.

Лицо его вдруг стало грустным. Он смотрел в угол, где стояла моя двустволка, а воображение, вероятно, рисовало заманчивую картину, как он с настоящим ружьём бродит по тайге, стреляет рябчиков, косачей и как, нагрузившись дичью, возвращается к бабушке в зимовье... Кажется, я своими расспросами коснулся больного места. Он наскоро допил чай, отблагодарил Акимовну и смолк.

Вернулся Василий Николаевич в полном охотничьем обмундировании: в унтах, шерстью наружу, в телогрейке из плащ-палатки, подбитой беличьим мехом, в лёгких шерстяных варежках.

– Акимовна! – окликнул он хозяйку. – Ты говорила, что козлятину хорошо наштиговать свиным салом с чесноком? Приготовься!

– Как же, вкусней нет блюда. Только надо сначала добыть козла, а потом шпиговать. Ни пуха ни пера вам!

Мы распрощались.

За воротами дремала тощая грязно-серой масти старенькая лошадёнка, запряжённая в розвальни.

– Ну-ка, Кудряшка, прокати! – ласково крикнул Пашка. Он отвязал вожжи, усадил нас в задок на пахучее сено, а сам занял кучерское место.

Кудряшка качнулась влево, взмахнула облезлым хвостом и, сдвинув примёрзшие к земле розвальни, лениво потащила их по незнакомым нам переулкам.

– Надо бы торопиться, солнце низко, – посоветовал Василий Николаевич.

– Да её не раскачать, а собаки на улице попадутся – совсем станет. Только уж не беспокойтесь, я дедушку не подведу: вовремя приедем. Ну ты, Кудряшка, шевелись!

За посёлком лошадёнка будто пробудилась, сама, без понуканий, побежала мелкой рысцой. В животе у неё всё время ёкало в такт бегу.

– Селезёнка играет, – пояснил Пашка. – Кудряшка у нас подслеповатая, думает, что впереди дед бежит, вот и торопится. Иной раз даже заржёт, только голос у неё тонкий стал, как у жеребёнка. Колхоз давно другого коня давал, да дедушка говорит – нам торопиться некуда. У нас с ним всё ведь распланировано: в это лето зимовье новое сложим, осенью ловушки в тайге подновим, а Кудряшка с нами останется до самой смерти... И правда, верни её в колхоз – там в первый же день ей хана. А тут она – вишь, как трусит ногами? Мы-то её не обижаем...

– А как твои дела в школе? – спросил его вдруг Василий Николаевич.

Пашка бросил на него недобрый взгляд, дернул вожжой и, продув громко нос, заёрзал ногами по сену.

– Вон в тех колках, ну и косачей – тьма! – сказал он, показывая кнутом вправо на залеженные холмы. – У нас там с дедушкой шалаш налажен. Скоро птица играть начнёт, слетится да как зачufыкает, закурлыкает, аж дух захватывает. А дерутся по-настоящему, Иную в кровь заклюют...

– Со школой, спрашиваю, у тебя как?

– Со школой?.. – Пашкино лицо вдруг вытянулось, помрачнело. – С математикой не ладится, – процедил он сквозь зубы чуть слышно. – Пока примеры были, понимал, что к чему, а как пошли задачи – вот тут-то и прижало меня. Дедушка рассказывает, что у нас во всем потомстве считать сроду не умели, вся надежда, мол, на тебя, внучек! Сам, говорит, видишь, что делается на этом свете: всякие машины, самолёты, спутники, в космос люди летают, без математики теперь жить нельзя, сзади окажемся. Видите, куда он клонит! Значит, я должен за весь свой род ответ держать?!

– Дед правильно говорит. А ты как думаешь?

– Конечно, жалко мне свой род, – снисходительным тоном ответил Пашка. – Придётся подналечь...

За рекою дорога свернула влево, прорезала степь и глубокой бороздой, виляя по береговым перелескам, вывела нас на водораздельный перевал. Дальше узкой прорезью начиналась лощина. Она, раздвинув холмы, уходила в глубину лиственничной тайги широкой падью. Необозримый простор, замороженный тишиною, ожидал нас там.

По синему небу плыли лёгкие облака, облитые золотистыми лучами заходящего солнца. Навстречу лениво летели вереницы ворон.

Вечерело.

У холмов Пашка подъехал к стогу сена, остановился.

– Тут мне велено дожидаться. Дедушка теперь в ельничке у ключа передохнёт и до заката солнца стукнет. Коза сразу пойдет, не задержится – чуткая она, далеко хватает. А вам на этих седловинах ждать; её ход тут, – с серьёзностью опытного егеря объяснил нам Пашка.

Мы с Василием Николаевичем помогли ему распрячь лошадь, развести костёр и стали собираться.

– Ты что, Пашка, приуныл?

– Охота с вами сходить. Дедушкину бы пистонку мне, – с искренней грустью сказал он.

– И что тогда?

– Уж я бы тут козла сшиб... Не верите?

– Конечно, нет.

– Никто не верит...

– Возраст у тебя ненадёжный. Уж так и быть, пойдем вдвоём на седловину.

– Возьмёте? – И он от радости запрыгал, но тут же опомнился. – Дедушка сказал, от Кудряшки не отходить, волки по лесу бродят. Огонь буду держать, а то бы пошёл...

Мы с Василием Николаевичем взяли ружья, выразили сочувствие Пашке и разошлись по седловинам.

Я поднялся на левую. Осмотрелся.

За седловиной, врезанной меж двух холмов, лежал широкий лог, покрытый редким лиственничным лесом, и дальше – серебристая степь, прочерченная тёмными полосами ельников. «Козьи места, светлые, кормистые», – подумал я с радостью.

У старого толстого пня я разбросал снег, чтобы он не скрипел под ногами, проверил ружьё и замер в ожидании.

Василий Николаевич был справа, на соседней седловине.

Тихо догорал холодный пасмурный день. Солнце, вырвавшись из-за нависших туч, облило прощальными лучами холмы, на какое-то мгновение осветило лежавшую позади равнину и потухло, разлив по небу багряный свет.

Минуты потянулись медленно. Всё тише становилось в лесу. И уже не верилось, что кто-то живёт в этой тишине, что нас ждёт тут удача. Да если и есть в бору козы, то старик Гурьяныч может до темноты не успеть пугнуть их на нас или они пройдут стороною, минуя седловины, где мы подкарауливаем их.

Чем дольше жду, тем безнадежнее. Единственное утешение – кругом лес. Ох, как хорошо вдохнуть свежий воздух, почувствовать, как мороз приятно щекошет тело под настывшей одеждой!

Жаль Гурьяныча... Сколько хлопот принесет ему эта охота.

Вдруг далеко-далеко, где-то в глубине лога, точно вскрикнул кто-то и смолк. «Кажется, гонит», – мелькнуло в голове, и приятный холодок пробежал по всему телу. Я посмотрел вниз, прислушался. Ничего не видно, не слышно, но каким-то скрытым чутьём чувствую, что кто-то появился в лесу, несётся на меня, и сердце начинает биться в нетерпеливом ожидании.

Холодной волной дохнул ветерок, освежая лицо. Закладываю патроны в стволы ружья. Жду, напряжённо всматриваясь в густеющий сумрак.

Гаснет у горизонта заря. Темнеет лог, и где-то на холме ударил последний раз дятел. Вдруг, словно в пустую бочку, кто-то ухнул – заревел козёл. Далеко внизу мелькнул табун коз и остановился, как бы выбирая направление. Гляжу, идут на меня. С какой лёгкостью они несутся по лесу и, точно охваченные недобрым предчувствием, бросаются из стороны в сторону, перепрыгивают через кусты, рытвины, валежник! Но на бегу козы забирают левее и проходят мимо меня, к соседней седловине.

Ещё не смолк шелест пробежавшего по снегу табуна – вижу, оттуда же, из глубины лога, невероятно быстрыми прыжками несётся одинокий козёл. Быстро мелькает он по лесу, приближается ко мне. Руки сжимают ружьё. Почти невозможно попасть в козла на таком бешеном скаку.

Вот он уже рядом. Три прыжка – и мы столкнёмся. Палец касается спуска, ещё одно мгновение...

Козёл неожиданно замер в последнем прыжке возле меня, глубоко засадив все четыре ноги в снег.

Он стоит в профиль, всего лишь в двадцати метрах, смело повернув ко мне голову и показывая всего себя: дескать, посмотри, полюбуйся, каков я вблизи!

Я поражён его красотой. Забыл про ружьё, про выстрел, про охотничий пыл. Какая точность линий, словно точеные ножки, мордочка – весь литой! И какая удивительная симметричность во всей его окраске. Кажется, ни одной шерстинки на нем нет лишней и ничего нельзя добавить, чтобы не испортить красоты. Большие чёрные глаза светятся непонятной доверчивостью.

Он осматривает меня спокойно, вероятно приняв за пень. «Если бы ты знал, какой страшный враг стоит перед тобой!» – подумал я, не двигаясь с места и не отрывая глаз от него.

Потом козёл вдруг поднял голову и, не трогаясь с места, посмотрел в глубину лога, медленно шевеля настороженными ушами. Тревога оказалась напрасной. Козёл, не обращая на меня внимания, вытянул голову и принялся срывать листья сухой травы... «Что это?!» – чуть ли не вскрикнул я. Его шея повязана голубой тряпочкой. Не верю себе. Протираю глаза... Да, голубой тряпочкой!

– У-ю-ю-ю... – из лога доносится голос Гурьяныча.

Козёл сделал прыжок, второй, мелькнул белым фартуком и исчез за стволами лиственниц, как видение. А я продолжал стоять, поражённый этой необычной встречей, не в силах разобраться в том, что видел. Кто привязал козлу голубую тряпочку? Чья рука касалась его пышного наряда? И, наконец, как случилось, что я не выстрелил!

Вдруг справа и ниже седловины щёлкнуло два выстрела. Они, точно удары хлыста, болью отозвались во мне. Неужели убит? А может, ранен и его удастся спасти. Я не задумываясь бросился по его следу...

Ночные костры на лыжне

Хмурые тучи нависли над холмами. Ночь в тайге наступает быстро. Не успеет солнце скрыться за горизонтом, как в лесу сразу становится сумрачно и тесно. Тьма незаметно окутывает землю. Иду, тороплюсь, с трудом различая след козла, который привёл меня не на седловину, к Василию Николаевичу, а к глубокому ключу.

Совсем стемнело, и я потерял след козла. На небе не осталось ни единой звёздочки, не видно стало и холмов на горизонте. В темноте исчезли ориентиры.

А места мне тут незнакомые. Куда идти? Надо бы возвращаться на стоянку своим следом, так нет, почему-то решаю идти напрямик, по ключу.

Иду по глубокому снегу. Валежник, кочки, местами непролазная чаща. Сразу обнаружилось, что я давно не ходил по лесу – быстро устал. Но хочу верить, что где-то близко наши.

Ключ неожиданно раздвоился. Да что это за напасть! Не знаю, куда идти. Сворачиваю вправо. Ничего не понимаю – где я; кажется, заблудился. Жалею, что из дома не взял лыж, на них идти было бы куда легче. Но кто же знал, что такое случится.

Далеко послышался выстрел. Он гулом прокатился по ложкам, ушёл за холм и там смолк в ночной темноте. Это наши подавали сигнал, и совсем не оттуда, куда я шёл. Пришлось повернуть назад.

Иду долго. Знаю, что меня ищут, мне кричат, но я брожу где-то по незнакомой кочковатой равнине, по-прежнему тороплюсь и в этой спешке больше запутываюсь. Ноги быстро устают, плохо повинуются. Всё чаще останавливаюсь, чтобы передохнуть. Никакой седловины поблизости нет. Мною окончательно овладевает чувство одиночества. Я поднимаю ружьё и стреляю в темноту. Кто-то огромный, точно разбуженный внезапным взрывом, рванулся и настороженно замер. Прокричала испуганно птица, и стало невыносимо жутко в наступившем молчании.

Из-за туч проглянула луна и щедро залила холодным светом всё вокруг меня. Лес раздвинулся. Ко мне вернулась бодрость духа. Теперь я шёл на север незнакомыми местами, но верил, что найду своих.

Вижу впереди взбитый снег. Подхожу ближе – это лыжня. Наклоняюсь, ощупываю рукой край – он рыхлый: человек только что прошёл. Мы бы встретились, поспей я всего на две-три минуты раньше.

Кто это ещё тут бродит ночью по лесу? Но не всё ли равно мне сейчас, свой или чужой? Надо догнать. Ему, вероятно, знакома эта местность, и он, возможно, поможет мне выбраться из заколдованного круга.

Я кричу из всей силы. Ещё и ещё. Голос гложет в корявых дебрях непробудной тайги. Надо торопиться. Определяю направление лыжни и набираю темп.

...Время перевалило за полночь. Луна скрылась. Чёрное от туч небо опять стало казаться кровлей. Погода быстро менялась. Холодный ветер принёс снег.

И вдруг набросило дымком.

Я остановился. Ещё и ещё глотнул воздуха. Сомнений не было: где-то близко, за косой сеткой снегопада, – костёр. Ноги несут меня во всю прыть, боюсь, как бы незнакомец не ушёл.

На опушке леса лыжня оборвалась, снег притоптали сапоги. Ещё десяток шагов – и я увидел толстую сухую сосну, сваленную ветром и подожжённую у корней. Припадаю к огню, дую на него и с минуту, забыв обо всём на свете, отогреваю заочеченные руки, жадно глотаю тепло.

И тут соображаю: ведь человек, идущий впереди, развёл огонь, но, не дав ему как следует разгореться, ушёл дальше.

Что могло помешать ему погреться?

Снова иду, мну обессиленными ногами свежий снег и всё больше устаю. Обнадёживаю себя тем, что лыжня неизменно приведёт меня к людям. Мне представилось, что слева, где-то недалеко, должна быть колхозная заимка, а справа – прииск, до которого и сотня километров наберётся.

Ветер налетает холодным шквалом, потрясает гулом бор.

Опять пахнуло дымком. Подхожу к костру. Та же картина: подпалённая толстая сосна, но человек и на этот раз ушёл от огня раньше, чем он разгорелся. Ничего не могу понять. Незнакомец, видимо, устал, поджигает толстый валежник, хочет заночевать, но слышит мои шаги на своем следу и убегает. Иначе зачем ему разжигать костры, если он ими не пользуется? У меня пропадает желание догонять его.

Иду не торопясь. Чертовски устаю, но лыжню не бросаю.

По-настоящему разыгралась вьюга. Воеет, свистит порывистый ветер, бросая в лицо колючие хлопья снега. И тут я начинаю понимать, какая страшная сила заключена в буране и как легко человеку погибнуть.

Решаюсь развести костёр, бросить бесполезное мытарство по лесу. И в поисках подходящего места неожиданно выхожу на дорогу и тут же сквозь буран во тьме вижу манящий огонёк.

Унимаю шаги. Как рысь, бесшумно крадусь к костру. Хочу врасплох застать незнакомца. Вот уж близко. Всматриваюсь и приятно поражаюсь: передо мною, как в сказке, вырастает маленькая избушка-зимовье, старенькая, низкая, вросшая в землю и сильно покосившаяся к кособоку. В узеньком окошке – свет.

Я с трудом раскрыл дверь, постучался.

– Заходи, чего мёрзнешь, – ответил женский голос, – я тебя жду.

– Меня? – удивился я, пролезая в узкую дверь.

– Ну да. Только что Пашка ушёл.

– Куда?

– Искать тебя. Костры на лыжне разводит, боится, что у тебя спичек нет, замёрзнешь.

– Выходит, я его следом шёл?

– Так, наверно.

«Вот ты какой, Пашка – ни пурги, ни ночи не побоялся...» – удивился я.

Керосиновая лампа освещала внутренность избушки. Слева стоял стол, заставленный посудой, возле него – две сосновые чурки вместо табуреток. У порога лежала убитая рысь, прикрытая полой суконной однорядки. Там же было и несколько свежих беличьих тушек. На бревенчатой стенке висели капканы, ремни, ружья, веники и связки пушнины. В углу, на оленьих шкурах, под ватным одеялом лежала женщина с ребёнком.

– Однако, замёрз? Клади в печку дров, грейся! – сказала она спокойно, будто моё появление не вызвало у неё любопытства.

Это была эвенка лет тридцати пяти, с плоским, скуластым и дочерна смуглым лицом.

– Вы одна не боитесь в тайге? – заговорил я, немного отогревшись.

– Привычные. Охотой живём... Ты раньше, видно, тайга не ходил? – вдруг спросила она, пронизывая меня взглядом.

– Ходил, а вот видишь – заблудился. Хорошо, что вышел на дорогу и увидел огонёк.

– А то бы мог замёрзнуть. В кастрюле бери чай. Сахар и чашка на столе, – сказала она, отвернувшись к ребёнку, но вдруг приподнялась: – Ещё кто-то идёт!

До слуха донёсся скрип лыж. Дверь открылась и снаружи просунулась заиндеветавшая голова Гурьяныча. Вот уж обрадовал он меня своим появлением! Старик беспокойно оглядел помещение, широко улыбнулся и втиснулся всей своей мощной фигурой в зимовье, наполнив его свежим сосновым воздухом.

Бросив у входа на пол рукавицы, старик протёр запорошенные снегом глаза, расчесал пятавней заиндеветавшую бороду.

– Слава богу! – сказал он с явным облегчением. – Чего только не передумал! Давно пришли?

– Только что, Пашкиным следом.

– Он уж был тут? – удивился старик.

– Был и ушёл.

– Эко отмахал каку даль! Здравствуй, Марфа. Ты чего это чужих стала впускать к себе? – уже повеселев, обратился он к хозяйке.

– Сам идёт. Окошко сделали нарошно к дороге, огонь ночью не гасим: кто заблудится, так скорее зимовье найдёт.

– Эх, до чего же вы славный народ, эвенки! – Гурьяныч сел на чурбак, огляделся.

– Однако, устал?

– Немножко. А Тешка где? – спросил старик.

– Ушёл ловушки закрывать, скоро промысел кончается.

– Борьки тоже нет? – И старик, подумав, сказал серьёзно: – Зря его отпускаешь.

– Он большой, сам как хочет живёт.
– Оно-то так, да долго ли до греха!
– Раздевайся, Гурьяныч.
– Спасибо, Марфа, побегу, отдохнуть не стану. Мы ведь условились в полночь сойтись у стога, а уж скоро рассвет. Беспокоиться будут.

– Чай попей, ещё успеешь.
– За чай спасибо, а от хлеба не откажусь, если он есть у тебя. На ходу пожую.
– Бери, сколько надо, на столе под полотенцем.
Гурьяныч достал лепёшку, приложил её к носу, громко потянул в себя воздух.
– Ты, Марфа, мастерица насчёт хлеба, ароматный-то какой!
– А я в прошлый раз у вас пробовала бабушкин хлеб – куда с добром, весь день во рту держалась его сладость, – ответила Марфа.

– Бывает и у моей старушки удача.
Гурьяныч положил на горячую печку лепёшку, повернулся ко мне и, пряча в усах улыбку, неодобрительно качал головою.

– Думал, беда случилась, ан нет – обошлось.
– А где Василий Николаевич? – спросил я.
– Там, на сопке, костёр держит, кричит да стреляет – знак подаёт.
– Сколько беспокойства наделал! – произнёс я вслух, досадуя на себя.
– Ничего, бывает. Я вот сколько лет живу в зимовье на смолокурке, а иной раз встанешь ночью выйти по надобности и дверь не найдёшь: блукаешь в четырех стенах за моё почтение! А тут ведь тайга. Так что спите, утром раненько Пашка на Кудряшке прибежит за вами.

И он заторопился. Разломив пополам горячую лепёшку, сунул её за пазуху. Скрипнула дверь, и в тёмной, растревоженной ветром тайге шаги старика смолкли.

А мне уже трудно было отвести мысли от Гурьяныча. Старик как-то весь открылся мне в этой встрече в зимовье. Всё у него от леса, где он родился и утверждал своё право на жизнь, на хлеб, на тёплый угол. Лес одинаково наложил отпечаток и на его внешность, и на характер. У него и фигура, и походка, и заячья шапка, и однорядка, и шомполка составляют одно целое. К тому же старик обладает необыкновенной обаятельностью, которая обнаруживается с первых его слов. Весь он открыт, как лес в солнечный день. Природа в Гурьяныче, кажется, показала, какими отличными качествами она награждает людей за их привязанность к ней.

В избе от накалившейся докрасна печки стало жарко. Я прилёг на шкуру и, засыпая, подумал: «Какой вкусной покажется старику горячая лепёшка на холодном смолевом воздухе».

А снег всё шёл и шёл. Шумели, баюкая сон, старые сосны...

Меня разбудил запах распаренной сохатины и лука. В углу, плача, тихо всхлипывал трёх-летний мальчишка.

– Чем он недоволен? – спросил я Марфу, занятую приготовлением завтрака.
– Петро-то? Должен был Борька прийти, да чего-то задержался. Вот он и ревёт. Да и я беспокоюсь...

Снаружи слышались торопливые шаги по снегу и лёгкий стук в дверь. Петро сразу смолк и, вытирая рукавом мутные слезы, заулыбался, а Марфа распахнула дверь. Вместе со струёй холодного воздуха в зимовье ворвался козёл. Это было так неожиданно, что я буквально оторопел. В следующее мгновение я увидел у него на шее голубую тряпочку, Тяжёлое дыханье выдавало усталость – видно, издалека бежал к зимовью.

– Пришёл, Боренька, хороший мой, – нараспев ласково заговорила Марфа, приседая.
Тот бросился к ней, лижет лицо, руки, а Петька гогочет от восторга, виснет на Борьке, обнимает его.

Я встаю, невольно взволнованный этой трогательной картиной и той привязанностью, что сроднила эти три существа, живущие в ветхом зимовье на краю старого бора. Какой-то необык-

новенной теплотой наполнилась избушка. Сколько радости принесла всем им эта встреча! И мне вдруг стало страшно при одной мысли, что я мог убить Борьку.

Ласкаясь, Борька косит свои чёрные глаза на стол, Марфа ревниво отворачивает его голову, ласково прижимает к себе и что-то шепчет, но тот вырывается. В дальний угол кувырк летит с него Петро и, стиснув от боли пухлые губы, молчит, а слёзы вот-вот брызнут из глаз.

На столе Борьку ждёт завтрак – хлебные крошки. Он поднимает голову и, ловко работая языком, собирает их в рот. Затем бросается в угол к чашке. Петька преграждает ему путь. Борька бьёт его грудью, отталкивает.

Припав к чашке, козёл с жадностью пьёт солёную воду, фыркает, обдавая брызгами мальчишку.

– Иссё, иссё... – кричит Петька, захлёбываясь от смеха.

После завтрака Борька становится вялым, им начинает овладевать какое-то безразличие.

– Ещё вчера до заката ушёл, всю ночь с табуном проходил, может, волки гоняли, устал. Утрами в это время он привычен спать.

Мать ловит Петьку, одевает в меховую дошку и выталкивает за дверь.

– Иначе не даст уснуть Борьке, – говорит она, подбрасывая в печку дров.

А козёл крутится посреди зимовья. Он ищет место для отдыха, бьёт по полу копытцами, отгребает ногами воображаемый снег и падает. Ему кажется, что он лёг в лунку, сделанную им на земле. Это у коз врождённое. Они никогда не ложатся на снег или на траву.

Мы выходим из зимовья. Неведомо куда исчезли тучи. Над тайгой взошло солнце, и на заснеженную землю легли замысловатые тени старых сосен. Каким величественным кажется лес после ночного снегопада! Всё принарядилось, посвежело.

– Мы из стойбища Селикан, – заговорила Марфа, – не бывал там?.. Сюда только зимою промышлять приезжаем. Борька маленький прибежал к нам прошлой весной. Вышла как-то я из зимовья, слышу – кто-то кричит, совсем как ребёнок. Смотрю, бежит ко мне козлёнок маленький, только что родился, мать зовёт. Проклятые волки тут, на увале, её разорвали. Поймала я козлёнка и оставила у себя. Так он и прижился. Ласковый вырос, мимо человека не пройдёт, а не понимает, что опасно, могут по ошибке, а то и с намерением убить... Люди разные, иной так и норовит нашкодить.

– А вы не пускайте его из зимовья, – посоветовал я, вспомнив свою вчерашнюю встречу с Борькой.

– Что ты! Без тайги зверю – неволя. Нельзя не пускать. Вечерами Борька уходит в лес к диким козам, кормится, играет, а утром обязательно прибежит. Видишь, дыра в обшивке двери, это он копытом пробил – всегда в одно место стучится. Утром так и ждём этот стук, Петька ревёт, и сама думаю: «Придёт ли?»

– Колокольчик надо повесить на шею, тогда каждый догадается, что он домашний.

– Что ты, колокольчик совсем вешать нельзя, все козы от него убежать будут. Куда годится! Может, лучше пусть уходит совсем с табуном, научится бояться людей, дольше проживёт. Ты как думаешь?

– А Петька? Да и сама ты кого ждать утрами будешь?

– Поплачем и привыкнем. Хуже будет, если люди убьют... – И она отвернулась от меня, дрогнули её плечи.

– Напрасно расстраиваешься, Марфа, может, всё обойдётся, – пытаюсь я успокоить её.

– Нет, я знаю, половина месяца назад Борька пришел в крови, кто-то в него ружьё разрядил. Два дня не выходил из зимовья, думала, пропадёт. Но скоро забыл, опять ластится к людям в тайге, мимо не проходит, а то не знает, что убить могут, – твёрдо сказала она.

«А ведь это могло случиться вчера», – с ужасом подумал я, и у меня не нашлось слов разубедить её.

– Скажи, что надо сделать, чтобы уберечь Борьку? Правду говорю тебе: он хороший, ласковый к людям.

Я подумал, что это невозможно. Во многих людях ещё живёт беспощадность к дикому зверю.

– Кто-то едет, – вместо ответа сказал я, повернувшись к дороге.

Между сосен ползла длинная тень. Вот она появилась в широком просвете леса. Это Кудряшка тянула розвальни. Позади шёл Пашка.

Лошадь широко раздувая от одышки бока, понуро брела по чуть заметной, запорошенной снегом колее.

– Т-р-р-р! – крикнул Пашка, останавливая Кудряшку. – Здравствуйте, тетя Марфа!

– Ты чего так рано? – ответила та.

– За дядей приехал, дедушка просил поторопиться.

– Успеешь, распрягай лошадь, поставь к сену. Петька, посмотри, кто приехал! – крикнула вдруг Марфа, заглянув за избушку.

Оттуда показался Петька, весь в снегу.

– Паска! Паска! – закричал он, бросаясь навстречу.

– Здорово, мужик! – басит Пашка, подражая Гурьянычу. – Где твой козёл? Убежал?

Дверь в избе неожиданно распахнулась, и на пороге появился Борька. Он не сводит глаз с Пашки, чего-то ждёт.

Парнишка отбрасывает полу дошки, не торопясь, с явным удовольствием запускает руку в глубокий карман штанов, достаёт жменю овса. Два прыжка – и Борька возле него, хватая овёс, долго жуёт, взбивая губами пену. Потом тычется влажным носом в карман, требует остатки.

– Балует он Борьку, – говорит Марфа, кивнув на Пашку. – Без гостинца не приезжает. И тот издали узнаёт его, встречает.

Пашка приседает на снег, обнимает козла: он тоже рад этой встрече. Они начинают играть, бегать. Чувствуется, что и у Борьки к этому парнишке большая привязанность. Потом Пашка, точно вспомнив про ночь, поворачивается ко мне:

– Я так и знал, что заблудитесь.

– Почему? – удивился я.

– Место тут плохое: холмы да лого. Я и то иной раз ошибаюсь, а городской и подавно.

– Что и говорить, место однообразное. Но ты, прямо скажу, молодец, Пашка. Спасибо тебе за лыжню, за костры, иначе я и сейчас ходил бы по лесу.

– За что спасибо? – живо возразил он. – С каждым может беда случиться. А насчёт костров – не надеялся, что у вас спички есть, разводил под колодами – так они дольше горят, да и знал, что на лыжню непременно наткнёшься.

Все возвращаемся в избушку. Наскоро завтракаем. Борька опять бьёт копытцем о пол, разгребает воображаемый снег, падает и быстро засыпает.

Наступают минуты расставания. Что сказать Марфе на прощанье? Чем отблагодарить её за приют, за неизгладимое впечатление, что оставило у меня старенькое, покосившееся зимовье на краю соснового бора, с ночным огоньком, зовущим уставшего путника? Какими словами рассеять в ней тревогу за судьбу любимца Борьки?.. Не нахожу слов. Говорю просто, от души:

– Спасибо, Марфа. Я непременно ещё приеду к вам.

– Приезжай.

Кудряшка лениво шагает по занесённой ночным снегопадом дороге. В морозном воздухе тихо; точно зачарованный, стоит бор, облитый радужным светом уже поднявшегося солнца.

В углу широкой прогалины на вершине сосны-исполины, о чём-то мечтая, сидит мрачный, с вытянутой шеей и печальным взглядом, коршун.

– Поторопился прилететь, ишь как его мороз скрючил, – показывает на птицу Пашка, явно вызывая меня на разговор. – Василий Николаевич вчера здорового козла сшиб – еле стащили с седловины. А вы, значит, не попали в козла?.. Дедушка, если промажет, начинает хитрить: дескать, мелкая дробь или веточка выделить не дала...

Я думал о другом: о лесной избушке с ночным огоньком, о тётке Марфе, о Борьке, об их привязанности друг к другу. Никакая удача на охоте не могла бы доставить мне столько радости, породить столько раздумий... А костры на лыжне! Они заставили иначе посмотреть на Пашку, озорного деревенского паренька, как будто сроднили меня с ним.

Удивительное ощущение испытываешь, вернувшись домой из тайги, побыв там хотя бы день и вволю нахлебавшись хвойного воздуха. В доме всё кажется обновлённым: всё, что ещё вчера надоедало, как будто радо твоему появлению.

Но этой радости хватило всего лишь на несколько минут. На столе меня ждала радиogramма из тайги, куда мы с Василием Николаевичем должны лететь, в ней сообщалось, что ледяной аэродром окончательно вышел из строя и что по всей реке идёт наледь.

Опять задержка... Теперь, после вчерашней разминки, жизнь в посёлке невмоготу. Переодеваюсь и иду в штаб. Единственный выход – отправиться в одно из геодезических подразделений, работающих поблизости от посёлка, посмотреть, как разворачиваются дела, а за это время наледь на реке сойдёт – и мы улетим.

Непокорённый

Южные ветры слизывают с крутых увалов снег, поднимают ржавые болота. По широким падам стелются ленивые туманы.

Всё дольше задерживается солнце; в его ослепительных лучах синеют громады лесов; всё доступнее становятся потеплевшие дали, и кажется, никогда они так не манили к себе, как в эту весну. Выйдешь из дома взглянуть на зарю; вскинешь голову к небу и долго ждёшь: не закурлыкают ли журавли?!

Но зима не сдаётся. Нет-нет да и завьюжит непогодица по горам, по лесам, и снова спеленает землю белым саваном.

Вершина зимы – самое обманчивое время.

Мы с Василием Николаевичем возвращаемся из лагеря геодезистов, расположенного под одной из главных вершин Сетлинского хребта, в шестидесяти километрах от посёлка. Идём после бурана безлесным отрогом. Всюду на необозримом пространстве лежат заснеженные горы, окаймлённые по склонам чёрной границей леса. Белизна будто скрадывает бугры, крутые ложки и шероховатую поверхность отрогов; всё кажется гладким, ровным.

Мы торопимся. Идём без отдыха. Хочется к вечеру добраться до верховья речки Кингаш и там заночевать.

Лыжи легко скользят по отполированной поверхности надува. Встречный ветер обжигает лицо, стынут руки, и мы с трудом отогреваемся на ходу.

За последним подъёмом показалась кингашская тайга. Мы прибавили шаг и через час уже скатывались к реке.

По северным склонам ещё нерушимо лежала зима в легком румянце заката. На ровном снегу легкие вмятины – следы белок, соболей, горностаев. Сам же лес в непробудном покое, в синеве угасающего дня.

У реки нас встретила густая кедровая тайга мощными стволами в густом сумраке и сказочной тишиною. С трудом пробираемся по еле заметным просветам.

В такой тайге приют найти нетрудно. Почти под каждым старым кедром можно укрыться от непогоды.

Мы уже развели костёр, нарубили хвои для постелей, сделали заслон от ветра, как вдруг снизу послышался стук топора. Василий Николаевич долго и внимательно прислушивался.

– Однако, люди близко, что им тут надо? – сказал он и, немного подумав, добавил: – Пошли ночевать к ним, веселее ночь пройдёт.

Мы потушили костёр, вскинули на плечи котомки и пошли вниз по Кингашу. В сумерках проступали лишь самые тёмные предметы. Теснее становилось в тайге. В лиловую муть уходил горизонт, становилось холодно и грустно среди кедрового безмолвия.

Идём долго. Торопимся, как бы не опередила ночь. Снова стукнул топор, но уже рядом, и тотчас же пахнул дымом.

На небольшой поляне мы увидели примостившуюся между двух елей палатку. Там же рядом, у саней, кормилась лошадь.

– Да ведь это Кудряшка! Ей-богу, она! Гурьяныч, принимай гостей! – обрадованно кричит Василий Николаевич.

– Кого бог послал? – слышим знакомый голос старика.

Видим, как вздрогнула палатка, как распахнулся вход, и в образовавшемся отверстии показались сразу головы Пашки и Гурьяныча.

– Откуда вас вынесло? – удивляется старик и, выбравшись наружу, что-то в спешке дожевывает, вытирает полой однорядки влажные губы. – Здравствуйте, милости прошу к нашему шалашу!

– Вот уж неожиданная встреча! На курорт приехали? – спрашиваю я, безмерно обрадованный, увидев Гурьяныча и Пашку.

– Кости старые размять решил.

Пашка, подражая Гурьянычу, тоже протягивает нам свою руку, и радостная улыбка не сходит с его лица.

– Подбил председатель колхоза. Мне бы на печке сидеть, а я поддался, взялся не за своё дело, – жалуется Гурьяныч.

– Что за дело? – спрашиваю я, сбрасывая котомку и сбивая снег с унтов.

– Об этом потом. Забирайтесь в палатку, места хватит. И похлёбка готова. Мы только сели ужинать, как услышали говор. – И, повернувшись к внуку, строго наказывает – Натай снега для чая, да поживей!

Пашка, улучив момент, таинственно, шепотком хвастается мне:

– Зверей живьём ловим с дедушкой!

– Ну и как? – спрашиваю я тоже шёпотом.

Парнишка безнадёжно машет рукой и исчезает. В палатке тепло и уютно. Больше, кажется, ничего и не нужно. Сбрасываем обледеневшие телогрейки. Нежный запах отогретой кедровой хвои, смешанный с запахом оттаявшей земли, напоминает весну. Она как будто с нами вошла в палатку. В железной печке буйствует огонь. На колышке, вбитом в землю, стоит зажжённая свеча. Приятный полумрак.

– Ишь как славно вызвездило, к утру непременно корку снежную натянет, – говорит Гурьяныч, протискиваясь через низкое отверстие внутрь палатки. – Чайку горячего или с супа начнем?

– А вы не беспокойтесь, у нас тоже кое-что есть.

– Гости сыздавна на хозяйских харчах, – заявляет старик, ставя на раскалённую печь котелок с супом.

Вваливается Пашка с ведром снега. Он застёгивает вход, и мы отгораживаемся от зимы полотняной стеною. С минуту молчим. Всем хорошо. С каждым глотком горячего воздуха возвращаются силы, и ты будто начинаешь чувствовать всего себя, каждый сустав, каждую косточку. Какая благодать – тепло!

– А для чего вам, Гурьяныч, понадобились живые звери? – спрашиваю я.

– Уже доложил, везде поспел! – Старик косится на внука. – Да на днях вызывали меня в колхоз, председатель говорит: «Выручай, Гурьяныч, в маральник заскочили волки, нашкодили, оканные, трёх зверей зарезали. Надо из тайги пополнить поголовье». Я, конечно, отказываюсь: дескать, какой из меня теперь зверолов! А он напирает, говорит: «Государственное дело, помоги, некому больше». Раньше-то я лавливал и маралов, и коз, и медведей, а теперь мне не сезон. А он свое: «Отлови хоть одного!» Уговорил. Отпросил я в школе Пашку на два дня, поехал сюда, да, видно, зря... – голос старика безнадёжно смолкает.

– В ваши годы, Гурьяныч, зверя поймать, конечно, трудно.

– Не в том дело. Поймать – небольшая хитрость, справились бы вдвоём с внуком, – старик тяжело поднял на меня глаза. – В тайге марала не стало – ловить некого. Сегодня все ключи пониже стоянки с Пашкой обшарил, следа в глаза не видали, будто вымерло всё. На что это годится?!

– Куда же звери девались?

В горле Гурьяныча громко хлюпнул глоток. Дрожащей рукой старик снял с печки суп, сказал обвиняюще:

– Истребили! Без надобности истребили! С каждым годом зверь на убыль идёт.

– Может, маралы перекочевали в другие места, тайга тут обширная, – пытался я успокоить его.

– Нет, извели. Тут ли зверю не жить зимой?! Нечего греха таить: браконьерство развелось, один перед другим, все с ружьями... Матка ли попалась на глаза или телёнок – всё под выстрел! Где уж тут живности быть...

– К ответу надо их, Гурьяныч, – говорит Василий Николаевич.

– Была бы моя власть... А председатель сельсовета отворачивается от разбоя, Закон об охране зверя под сукном держит, закрывает глаза. А надо бы привлечь всё хамово племя!

– Дедушка, не волнуйся, опять с сердцем плохо будет... – вмешивается Пашка.

– Не перебивай, дай сказать, – Старик ставит котелок с супом снова на печь. – Никто не хочет ударить по рукам браконьеров, вроде как бы до природы никому нет дела. Куда годится такое!.. Лет пятнадцать назад тут же, на Кингаше, я с бригадой отлавливал для маральника зверя. В какой бы ключ ни ткнулся – маралы, сохатые. А велико ли время – пятнадцать лет, и почти ничего не осталось! Какое сердце умолчит? Но и от того, что говоришь, проку никакого: власть на местах будто оглохла. Вот и истребили.

– Завтра собираетесь домой? – спрашиваю я, пытаюсь отвлечь старика от горестных мыслей.

– Ума не приложу, что делать. С пустыми руками негоже мне возвращаться, слово дал председателю, а где найти зверя – не знаю. Вам не попадались?

– Видели следы, но далеко и несвежие.

– Может, задержитесь на денёк, вместе поищем?! Нам только бы след найти, а уж поймать-то поймаем – это точно.

Мы переглянулись с Василием Николаевичем и без сговора решили остаться помочь Гурьянычу в его беде. Да и кто бы отказался принять участие в столь интересном промысле.

– Значит, согласны? Утром раньше тронемся, надо успеть по насту обежать ложки ближе к предгорью. Может, там зверь будет. А внучек останется на таборе.

У Пашки лицо искажается от огорчения. Он пытается возразить старику, но не может разомкнуть челюсти.

– Останешься без разговоров, – строго повторяет Гурьяныч. – Всем там делать нечего.

Пашка берёт свою чашку с супом, захватывает жменю сухарей, отворачивается от нас.

Ужинаем молча. Голод действительно лучший повар. Суп, сваренный в тайге из кусочка мяса, картошки и одной луковицы, без какой-либо поварской хитрости – объеденье! В нём – и тончайший лесной аромат, и свежесть воздуха, и необыкновенный привкус, будто кто-то незаметно подбросил в суп таинственных корешков. Ешь и не можешь наесться!

Перед сном выхожу из палатки. Трепетно и робко мерцают звёзды. Луна в голубоватом тумане выбирается из-за лохматых кедров, окутанных морозной мглой. Воздух чистый, звонкий, ни единого пороха... Всё спит. В молчании – величие таёжной ночи.

Неужели никто не живёт в этой лесной тиши?

Гаснет свеча. В палатке полумрак. Тихо потрескивают дрова в печке. Пашка сдержанно всхлипывает под одеялом. Остальные спят или делают вид, что спят. Слышу шёпот Василия Николаевича:

– Пашка, перестань хныкать, утром я заболēju, останусь в палатке, а ты пойдёшь за меня.

Пашка стихает. Гурьяныч поворачивается на другой бок, начинает похрапывать. Под полотняную крышу входит ночь. Только Кудряшка не спит, лениво пережёвывая хрусткое сено.

Ещё до рассвета нас будит Гурьяныч. Дятел громко вестит утро. Чуть слышно шумит лес. Быстро одеваемся, выбираемся из палатки. Освежаемся студёной водой. Немного движения, несколько глотков холодного воздуха – и сонливость пропадает.

Я весь захвачен предстоящими таёжными приключениями...

– Ты что же, Василий Николаевич, в самом деле захворал? – спрашивает Гурьяныч с усмешкой за завтраком.

– Я за него пойду, – опережает Пашка.

– Выплакал! Может, человеку охота была самому пойти, так ты встрял, – мягко говорит старик.

Сборы не долги. Пашка набрасывает на плечи джутовый куль с полувыделанной сохатиной шкурой – огромный, но легкий. С ним он ходил вчера. У меня котомка с верёвками, с продуктами и посудой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.